

УДК 81'42:811.111

**МЕТАФОРА КАК ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ И АКТУАЛИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ИДЕОЛОГИЙ**

© 2016 г.

Т.М. Голубева

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Н. Новгород

gtm77@mail.ru

Поступила в редакцию 10.12.2014

Проводится исследование случаев прагматически значимого использования метафор с позиции критического дискурс-анализа. Метафоры активизируют когнитивные процессы концептуального моделирования и категоризации, что обуславливает их активное использование с целью воздействия на адресата сообщения и формирования у него/нее определенного отношения к предмету сообщения. Задавая параметры интерпретации явлений и событий, метафоры участвуют в создании и воспроизводстве социальных представлений и общественных идеологий посредством дискурса.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, метафора, концептуальное моделирование, категоризация, общественные идеологии, метафора «игра в шахматы», дихотомия «мы – они».

Изучению взаимодействия языка и общества посвящены многочисленные социолингвистические исследования, проводимые с опорой на концептуально-методологическую базу критического дискурс-анализа (critical discourse analysis). Трактовка языка как средства доминирования и социальной силы, легитимизации отношений организованной власти определяет характер и содержание задач, которые ставят перед собой исследователи, работающие в данном направлении. К этим задачам, в частности, относятся идентификация, описание и интерпретация фактов проявления власти, гегемонии, маргинализации и дискриминации в дискурсивной практике и за ее пределами посредством лингвистического анализа. Австрийские исследователи Г. Вайс и Р. Водак отмечают, что цель критического дискурс-анализа – «провести деконструкцию общества для того, чтобы определить, как социальное неравенство выражается и узаконивается посредством использования языка» [1]. Предметом дискурсивного анализа могут быть отдельные тексты, характеризующиеся наличием в них различных дискурсов («головов», по М. Бахтину), которые ведут между собой борьбу за возможность определять и поддерживать те или иные идеологические положения как общепринятые, а также относительно стабильная структура языка, которая во многих аспектах является проявлением социальных и социокультурных отношений.

Представители данного направления анализируют как завуалированные, так и прозрачные структурные взаимоотношения доминирования, дискриминации, власти и контроля, манифестированные в языке. Поскольку объектом крити-

ческого дискурс-анализа являются отношения между языком и властью, то в центре внимания исследователей находятся, прежде всего, институциональный, политический, гендерный и медиадискурсы. Так, британский лингвист Н. Фэрклоу проводит исследование языка средств массовой информации как сферы реализации власти и конфликта. В работах голландского ученого Т. Ван Дейка разрабатывается теоретическая модель понимания когнитивных механизмов, связанных с производством и воспроизводством расистской идеологии посредством дискурса. Американские социолингвисты К. Уэст и Д. Зиммерман освещают вопрос гендерного доминирования в коммуникативных практиках. Теоретик французской школы критического дискурс-анализа М. Пешо описывает идеологичность дискурсивных формаций, акцентируя внимание на анализе идеологических измерений использования языка и материализации идеологии в языке.

Анализ дискурсивных практик проводится исследователями как на языковом (семантическом, лексическом, грамматическом) уровне, так и с активным привлечением средств прагматики (пресуппозиции), логики и риторики (аналогии, инсинуации, приемы аргументации). Среди языковых средств смыслопроизводства наиболее широкое освещение в дискурсивных исследованиях получила метафора. В первую очередь, это связано со способностью метафоры активизировать процессы концептуального моделирования (фрейминга) и категоризации, которые обуславливают конструирование реальности с определенной точки зрения. В когнитивной лингвистике под фреймом принято по-

нимать фоновое знание, актуализируемое определенным концептом: слова и факты приобретают смысл в том случае, когда они «являются частью фрейма или сюжетной линии, последовательно организующей их посредством выбора тех, которые необходимо подчеркнуть, и исключения тех, которые необходимо скрыть» [2]. Фреймы представляют собой разновидность «предрассудков» (или предпонимания), по Х.-Г. Гадамеру, которые в гораздо большей степени, чем суждения, образуют историческую реальность бытия субъекта, обуславливая выбор интерпретации [3]. Актуализация какого-либо фрейма может быть прагматически значимой, т. е. осуществляться с целью формирования у реципиента определенных представлений, взглядов, убеждений.

Категории являются средством «структурирования информации и направления мыслей в русло, способствующее достижению определенной цели (пропаганда идей, формирование общественного мнения)» [4], обуславливая тем самым воспроизводство власти и неравенства посредством дискурса. Чем более естественно и незаметно осуществляется категоризация, тем сильнее ее влияние, что позволяет рассматривать категории как «молчаливые центры власти и убеждения» [5]. Категоризация посредством метафоры является достаточно эффективным средством воздействия, поскольку заставляет реципиента сосредоточиться на определенных свойствах объекта категоризации, что, в свою очередь, может способствовать актуализации стереотипов и доминирующей идеологии.

Примером прагматически значимого использования метафоры как средства концептуального моделирования и категоризации может служить выдержка из статьи, опубликованной в период президентской избирательной кампании 2008 года в США. Сообщая о намерении кандидатов баллотироваться в президенты, автор статьи применяет метафору только для характеристики действий сенатора-демократа Хиллари Р. Клинтон, супруги бывшего президента Б. Клинтона.

*Sen. Hillary Clinton **jumped into the fray** as a 2008 presidential candidate with the words "I'm in" posted on her Web site...On Tuesday Democrat Sen. Barack Obama **announced that he was filing papers** to form a presidential exploratory committee, a bid to become the first African-American president. And on Sunday New Mexico Gov. Bill Richardson, also a Democrat, is expected to **announce his bid**, one that could make him the first Latino president.*

Концептуальное моделирование выборов как драки, осуществляемое при помощи метафоры *jumped into the fray*, коннотирующей такие от-

рицательные качества, как импульсивность и агрессивность, имеет целью сформировать у избирателей скептическое отношение к единственному кандидату женского пола. Позиционирование Х. Клинтон как участника потасовки имплицитно несет негативную оценку ее адекватности как политика и нивелирует значимость решения принять участие в выборах. Категоризация предвыборной кампании и политической деятельности вообще как «мужской сферы», в свою очередь, актуализирует гендерные стереотипы, в которых действия Х. Клинтон могут рассматриваться как несоответствующие общепринятым представлениям о поведении женщины. В данном случае метафора участвует в актуализации доминирующей гендерной идеологии на уровне текста.

Метафоры также могут участвовать в формировании общественных идеологий. В частности, речь идет о способности метафоры создавать так называемые мемы¹ (известные также как вирусы мышления) – культурные конструкты-репликаторы, передающиеся от индивида к индивиду посредством процесса имитации. В частности, одним из таких мемов является метафорический бленд *parasite – Jew*, зафиксированный и детально описанный в работе британского лингвиста П. Чилтона, посвященной исследованию главы «Нация и раса» из книги А. Гитлера *Mein Kampf*. Анализируя макротекстуальные, пропозициональные и онтологические характеристики данной главы, ученый задается целью объяснить, как конструируемый автором дискурс способствовал распространению идей, которые заставляли людей совершать или одобрять самые бесчеловечные поступки. Формирование определенного идеологического значения в упомянутом бленде происходит благодаря кумулятивному эффекту двусмысленности биологической и социальной категоризации концепта «the Jew», который возникает в результате использования синонимических терминов «parasite» и «sponger», сравнения «like a bacillus» и интенсифицируется благодаря анафоре, как, например, в следующем абзаце:

*[The Jew] was never a nomad, but only and always a parasite in the body of other peoples. That **he** sometimes left his previous living space has nothing to do with his own purpose, but results from the fact that from time to time **he** was thrown out by the host nations he had misused. His spreading is a typical phenomenon for all parasites; **he** always seeks a new feeding ground for his race.*

П. Чилтон отмечает, что первоначальное использование личного местоимения *he* связано не с концептом «the Jew», а с концептом-блендом *Jew – parasite* и последующие предло-

жения определяют действия и свойства, которые метафорически изоморфны с действиями и свойствами биологических паразитов. Именно так создается новый бленд, который грамматически закрепляется в тексте, что, в свою очередь, увеличивает его шансы стать запоминающимся мемом. Он может быть подвергнут дальнейшей разработке в фреймах «болезнь» и «медицина», характеризующихся специфической этиологией: зараженные люди умирают, а смертельная болезнь может быть излечена путем удаления или уничтожения паразита. Данный метафорический бленд является «не просто риторическим приемом или неким ярлыком, а существенным элементом, создающим дискурсивный универсум, в котором расистские/антисемитские идеи А. Гитлера приобрели смысл» [7], в свою очередь, формируя основы идеологии нацизма.

Метафоризация как способ производства и воспроизводства общественной идеологии также активно используется в современных дискурсивных практиках. Исследование материалов американского политического дискурса установило, что внешнеполитическая деятельность России метафорически концептуализируется как «игра в шахматы»:

Moscow plays Chess with just one pawn!

Russia Plays Chess with International Community in UN on Conflicts.

Playing Chess with Putin.

Russia's Middle East Chess Game.

Во второй половине двадцатого века популярность шахмат приобрела международный масштаб: за звание чемпионов мира боролись представители разных стран, однако на протяжении сорока лет (с 1950 г. по 1990 г.) первенство практически всегда оставалось за Советским Союзом. Череда побед советской шахматной школы совпала с периодом противостояния двух супердержав: СССР и США. В это же время в геополитических кругах западных СМИ возникает традиция проводить аналогию между эффективной внешней политикой и шахматной партией, успех которой зависит от искусного манипулирования фигурами на шахматной доске. Выразительный риторико-стилистический прием получает распространение в западной прессе, зачастую характеризуя именно внешнюю политику Советского Союза. Данная метафора становится ключевым компонентом риторики Холодной войны, формируя определенные ассоциативные связи: за СССР закрепляется статус высококлассного политического игрока на международной арене и главного соперника США в борьбе за политическое и экономическое доминирование. Об этой дискур-

сивно обусловленной особенности функционирования метафоры свидетельствует, в частности, фраза «шахматная доска времен Холодной войны», которую использовал американский президент Б. Обама в одном из выступлений, касающемся разногласий между Россией и США по вопросам урегулирования ситуации в Сирии и на Украине:

Similar statements ensued over the past few months, with the White House saying this week the Ukraine conflict is not reminiscent of the «proxy conflicts of the Cold War era». Obama put a finer point on showdown in Kiev this week, saying he didn't view U.S. and Russian differences over Ukraine or Syria through that lens. «Our approach as the United States is not to see these as some Cold War chessboard in which we're in competition with Russia».

В современных западных дискурсивных практиках метафоризация российской внешней политики как «шахматной партии» может являться своего рода аллюзией на полувековое противостояние СССР и Запада, обуславливая воспроизводство стереотипов о стремлении России восстановить и/или усилить свое влияние и, соответственно, ослабить влияние США на международной арене.

Here we arrive at Putin's key chess moves in the Middle East – involving a multitude of planned and already competing pipelines too complex to detail here. ...Undoubtedly, Vladimir Putin's stock in the Middle East is rising. The Russian president's black belt, better-than-Chuck-Norris machismo, and his dual background as a KGB operative, and reform-minded administrator, make him a formidable leader. ...President Barack Obama's Middle East stock is falling. The Saudis are enraged by his compromise with Russia. Egypt, livid at Obama's reducing military aid after the ouster of Islamist Morsi, has just welcomed a Russian delegation. Israel isn't happy either. Conversely, one can only admire Putin's skillful moves.

Актуализируя риторику Холодной войны, метафора шахматной игры воспроизводит культурный конструкт/мем «Россия – серьезный политический соперник США», что, в свою очередь, обуславливает ее использование (в определенном контексте) с целью формирования у представителей западного общества негативного или подозрительного отношения к действиям России в мировой политике. Осуществляемая в рамках данного фрейма категоризация России как оппонента Америки имплицитно опасность и угрозу интересам Запада. Примером поляризации двух стран посредством концептуально развернутой метафоры шахматной игры является статья *US plays Monopoly, Russia*

plays chess, в которой автор сопоставляет и анализирует американский и российский подходы к восстановлению/поддержанию влияния в международной политике, при этом признавая превосходство политической стратегии В. Путина.

Americans see individual pieces of geopolitical real estate in isolation, like hotels on the Monopoly board, while the Russians look at the interaction of all their spheres of interest around the globe. ...I do not know what Putin wants in Syria. I do not believe that at this point Russia's president knows what he wants in Syria, either. A strong chess player engaging an inferior opponent will create complications without an immediate strategic objective, in order to provoke blunders from the other side and take opportunistic advantage.

...Putin's chessboard encompasses the globe. It includes such things as the security of energy exports from the Persian Gulf; the transmission of oil and gas through Central Asia; the market for Russian arms exports; energy negotiations now underway between Russia and China; the vulnerability of Europe's energy supplies; and the internal stability of countries on or near Russia's borders, including Turkey, Iraq and Iran. For American analysts, most of this chessboard might as well be on the dark side of the moon. We see only what the Russians permit us to see.

...That is no longer the case on Vladimir Putin's chessboard. Russia will pursue a set of strategic trade-offs, but we in the West will not know what they are until well after the fact, if ever. ...And Putin will sit silent on his side of the chessboard and let the clock run against his opponent.

...Russians typically assume that Americans think the way they do, gauging every move by the way it affects the overall position on the board. The notion that incompetence rather than conspiracy explains the vast majority of American actions is foreign to Russian thinking. Whatever the Russian leader thinks, though, he will keep to himself.

Противопоставление американской и российской геополитической стратегии, осуществляемое посредством метафор «игра в шахматы» и «монополия», является дискурсивным выражением социально-политической дихотомии «мы – они»/«свои – чужие», которая характеризует в целом состояние общества и общественные идеологии. Данная дихотомия «выражается и воспроизводится в контрастных темах, контекстуальных значениях, метафорах, гиперболах, эвфемизмах, синтаксических формах, словах, образах» [8]. Исследование также установило, что идея соперничества и противостояния двух государств активно поддерживается и закрепляется в американской политической риторике в стратегиях дискредитации и апологизации действующего президента

Б. Обамы. Так, с целью критики неэффективной внешней политики США отправитель сообщения использует метафоры «игра в шашки» и «игра в шарики» для характеристики действий американской администрации:

The world has seen some great chess matches, and yet in the geopolitical stage, it is almost as if the Russians have a renowned grandmaster playing chess and the United States is playing checkers.

Putin is playing chess, and I think we're playing marbles. The degree of disconnect between reality on the ground in the Crimean region, and the Obama Administration's hapless stream of babble and bluster, is amazing. While Obama fiddled with his marbles, Putin slid pawns, rooks, and bishops into the territory he wasn't about to risk losing, and he didn't much care what any Sunday-show talking head in the Western world thought about it.

В другом случае, с целью апологизации американского президента, автор статьи оправдывает проводимую им внешнюю политику, заявляя о бесполезности участия в навязываемой ему Россией интеллектуальной политической игре, которая, по мнению автора, утратила свою актуальность и эффективность:

So Putin may very well be playing chess, but if so he clearly isn't very good at it. Since his unlikely rise to power, he has lost major pieces on the board and faced a steadily weakened set of positions. So to return to the comments by John McCain and others, what are they suggesting? Are they advising Obama to play chess? If so, then what moves would they employ to counter Putin's almost comical decade of bumbling failure? Yet I have the feeling Obama doesn't want to play that particular game. ...Strategy is no longer a game of chess, but a process of widening and deepening connections and, in a state of conflict, severing those of your opponent as well.

Исследование установило, что в американском политическом дискурсе метафоры участвуют в конструировании контекста интерпретации явлений и событий, являясь средством создания и воспроизводства социальных представлений и идеологий, определяя ценности и формируя отношение к предмету сообщения. Так, в частности, посредством метафоры шахматной игры, определяющей характер и специфику российской геополитики, осуществляется воспроизводство и поддержание определенных стереотипов, в которых Россия позиционируется не как партнер, а как конкурент стран Запада. Данная метафора актуализирует общественную идеологию противостояния США и России, обуславливая поляризацию двух стран как политических соперников. Рассмотренные случаи

использования концептуальной метафоры как средства материализации общественной идеологии в языке являются примером реализации отношений власти и языка посредством дискурса, которые, в свою очередь, определяют характер и специфику национальной политической риторики.

Примечание

1. Meme, n. a cultural item that is transmitted by repetition in a manner analogous to the biological transmission of genes. [1976; < Gr *mimēsthai* to imitate, copy; coined by R. Dawkins, U.S. biologist] [6].

Список литературы

1. Weiss G., Wodak R. *Critical Discourse Analysis Theory and Interdisciplinary*. New York: Palgrave Macmillan, 2002.

2. Gamson W.A. News as Framing: Comments on Graber // *The American Behavioral Scientist*. 1989. № 33 (2). P. 157.

3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 548.

4. Brostrom S. *The Role of Metaphor in Cognitive Semantics*. Lund: Lund University Cognitive Studies, 1994.

5. Baker C.D. Locating culture in action: Membership categorization in texts and talk // *Culture and Text: Discourse and Methodology in Social Research and Cultural Studies* / Eds. by A. Lee, C. Poynton. London, 2000. P. 99.

6. Webster's College Dictionary / Robert B. Costello (Editor in Chief). New York, 1995. P. 845.

7. Chilton P. Manipulation, memes and metaphors: The case of Mein Kampf // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind* / L. de Saussure, P. Schulz. Amsterdam; Philadelphia, 2005. P. 5–45.

8. Van Dijk T.A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998. 384 p.

METAPHOR AS A LINGUISTIC MEANS FOR PRODUCING AND ACTUALIZING SOCIAL IDEOLOGIES

T.M. Golubeva

The paper considers pragmatically significant cases of the use of metaphors within the framework of critical discourse analysis. Due to the fact that metaphors activate the cognitive processes of framing and categorization, they are actively employed by the speaker with the purpose of influencing the recipient so that he/she forms a particular attitude to the referent of the speaker's message. It is argued that metaphors, by determining the parameters of interpreting phenomena and events, participate in the production and reproduction of social representations and social ideologies by means of discourse.

Keywords: critical discourse analysis, metaphor, framing, categorization, social ideologies, «chess game» metaphor, «us / them» dichotomy.

References

1. Weiss G., Wodak R. *Critical Discourse Analysis Theory and Interdisciplinary*. New York: Palgrave Macmillan, 2002.

2. Gamson W.A. News as Framing: Comments on Graber // *The American Behavioral Scientist*. 1989. № 33 (2). P. 157.

3. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoj hermenevtiki*. M., 1988. S. 548.

8. Brostrom S. *The Role of Metaphor in Cognitive Semantics*. Lund: Lund University Cognitive Studies, 1994.

9. Baker C.D. Locating culture in action: Member-

ship categorization in texts and talk // *Culture and Text: Discourse and Methodology in Social Research and Cultural Studies* / Eds. by A. Lee, C. Poynton. London, 2000. P. 99.

10. Webster's College Dictionary / Robert B. Costello (Editor in Chief). New York, 1995. P. 845.

11. Chilton P. Manipulation, memes and metaphors: The case of Mein Kampf // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind* / L. de Saussure, P. Schulz. Amsterdam; Philadelphia, 2005. P. 5–45.

8. Van Dijk T.A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage, 1998. 384 p.